

УДК 171;17.035.1;17.035.2

ЗАМЕСТИТЕЛЬНЫЕ НРАВСТВЕННЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ В ДИСКУРСЕ О КОЛЛЕКТИВНОЙ НРАВСТВЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

А.В. Платонова, Д.О. Кашин

Платонова Анастасия Валерьевна, канд. филос. наук, доцент каф. философии общеобразовательного факультета Томского государственного архитектурно-строительного университета (Россия, 634003, г. Томск, пл. Соляная 2).

E-mail: nplatonova79@inbox.ru

Кашин Даниил Олегович, канд. филос. наук, доцент каф. философии общеобразовательного факультета Томского государственного архитектурно-строительного университета (Россия, 634003, г. Томск, пл. Соляная 2).

E-mail: kassintomsk@mail.ru

Актуальность работы обусловлена дефицитом исследований, описывающих механизмы моральной оценки в сфере, где основными субъектами являются большие группы людей, отсутствие нормативно-этических оснований коллективного покаяния, понимания условий при которых формируется данный тип ответственности, приводит искаженному и неверному представлению идеи коллективной нравственной ответственности. В данной статье рассматривается инвариант коллективной нравственной ответственности, обозначенной в литературе как заместительная. Сама идея коллективной ответственности до определенного времени не была в фокусе социально-философских изысканий, что было обусловлено сложившейся парадигмой методологического индивидуализма и тех культурно-исторических контекстов, которые внесли негативный и искажающий смысл в идею. Однако, тема ответственности коллективов актуальна в том смысле, что индивидуальная ответственность сегодня утрачивает свою силу. Ограниченность индивидуальной ответственности в условиях коллективной деятельности, с одной стороны, и отсутствие механизмов морального вменения ответственности коллективам (группам) формируют противоречивую теоретическую ситуацию. Идея заместительной ответственности рассматривается в данном случае как проект, позволяющий снять противоречия индивидуального и коллективного. Заместительная ответственность (*Vicarious* в переводе с английского «страдающий за других»), имеет дело, прежде всего, с нравственными чувствами, такими как ответственность, вина, стыд, раскаяния, возникающих у индивида в связи с действиями других. Считается, что основанием для подобного рода переживаний становится момент идентификации индивида с группой на почве национальных, конфессиональных, профессиональных или иные интересов. Впервые фундаментально вопрос о коллективной ответственности и коллективной вине был представлен в работах К. Ясперса и Х. Арендт. Философы сформулировали вопрос об ответственности и чувстве вины нации за преступления общечеловеческого масштаба, фактически отождествив субъект вины с народом. Немецкий народ был представлен как субъект коллективной нравственной ответственности. В дальнейшем, идея заместительной ответственности анализировалась в аспекте вопроса о том, когда и при каких условиях она может быть зафиксирована. Цель работы: представить заместительную ответственность как инвариант коллективной нравственной ответственности, обосновать, что в рамках заместительной ответственности снимаются теоретические противоречия, возникающие при использовании концепта «коллективная ответственность». Методы исследования: компаративистский метод, дескриптивный, этический, историко-философский. Результаты: представлена историко-философская реконструкция дискурса заместительной ответственности, описаны условия возникновения данной ответственности в обществе, фиксируется, что индивидуалистическая этика не раскрывает оснований для заместительных нравственных переживаний, истоки которой лежат ни в этике, а в метафизике.

Ключевые слова: вина, коллективная моральная ответственность, поступок, политическая ответственность.

Крайняя актуальность и сложность идеи коллективной нравственной ответственности вызвана рядом причин как теоретического, так и практического порядка [1]. Проблеме вменения ответственности группам, особая значимость которой возникает в сложнейших социально-политических условиях, как это было в послевоенной Германии, посвящено не так много исследований, как требовалось бы. С одной стороны, реальная практика жизни сталкивается с

конфликтами, где моральная ответственность предъявляется именно группам, с другой стороны, так сложилось, что сама идея коллективной нравственной ответственности воспринимается в контексте негативного шлейфа оценок [2]. Моральность коллективной ответственности не очевидна, что стало причиной многочисленных споров о ее предназначении в этическом дискурсе [3]. Считается, такие нравственные переживания, как чувство вины, стыда, совести, покаяния, апеллируют к личности, ее выбору, поступку, а вопрос о вменении их группам, коллективам кажется бессмысленным, поскольку нет причинно-следственных оснований чувствовать себя виноватым за действия других. Однако неочевидность оснований не отменяет того факта, что человек испытывает и, более того, сам добровольно принимает на себя такую ответственность, что говорит о том, что данный вид ответственности обладает как моральным, так и метафизическим измерением.

В рамках данного исследования предпринимается как анализ условий возникновения коллективной нравственной ответственности, так и попытка ответить на вопрос об истоках такой ответственности, ее фундаментальных основаниях.

Формирование дискурса коллективной нравственной ответственности, переосмысление «негативного» статуса данной идеи [4], попытки придать коллективной ответственности онтологическое измерение [5], обосновать ее моральный статус во многом обусловлены новой социальной динамикой, а именно формированием глобального общества [6].

В целом дискуссии о коллективной ответственности поляризуется между теми, кто признает ее как вполне обоснованную и имеющую место быть идею (К. Годпастер [7], П. Френч [8], А. Корлетт [9], Н. Решер [10]), и теми, кто отрицает за ней какое-либо значение (А. Goldman [11], В. Хесле [12], S. Sverdlik [13], J. Naverson [14]). В последнем случае критика если и происходит, то опирается на принципы индивидуалистического понимания морали; иными словами, сама по себе коллективная ответственность противоречит идеи личности, ее автономии. Понимание ответственности как «особого личностного преломления долга» [15], где личность принимает и понимает последствия своих действий в ситуации, зависящей от ее нравственного выбора. В данном случае ответственность трансформирует абстрактное долженствование в конкретный индивидуальный акт.

Коллективная ответственность уменьшает, а то и вовсе ставит под сомнение моральный долг, который всегда индивидуален. Основанием выбора личности является ее способность избирательно и сознательно воздействовать на окружающую действительность с учетом возможных последствий своих действий, правильно понимать нужды как других людей, так и свои собственные. Чувство ответственности, которое она испытывает, предполагает переживание своей значимости, реального влияния на положение дел, ощущение определенной власти над происходящими событиями и соответствующего уважительного отношения людей. В случае же коллективного долга угрызения совести индивида стихают, если он принимает участие в действиях, за которые не несет единоличной ответственности [16].

В этом смысле попытки вменения моральной ответственности группам как источникам возникшего ущерба имеют определенные трудности, связанные прежде всего с дефицитом знаний о коллективной ответственности и устоявшимся представлением о ней как об устаревшей форме вменения, свойственной архаическому сознанию. Коллективная ответственность в таком случае понимается как система несправедливого распределения ее между членами группы, т. е. независимо от степени участия индивид оказывается виновным.

В парадигме индивидуального поступка коллективная ответственность действительно оказывается менее неэффективной в том смысле, что она уменьшает, а то и вовсе устраняет ответственность отдельного субъекта: где ответственны все, как правило, не ответственен никто. «Зрелость» индивидуальной ответственности основана на том, что она характеризует внутреннюю составляющую личности, поэтому логика индивидуального поступка не транслируется в коллективный контекст, да и группа не аналогична личности, т. е. не способна осуществлять нравственный выбор. Данное обстоятельство снимает тему моральной оценки организованных и неорганизованных коллективных субъектов. Однако уже сейчас, в условиях сложных системных взаимодействий, узкой специализации, где индивидуальная ответственность имеет тенденцию к растворению и распылению, неоправданным становится поиск виновного субъекта, если последствия его действий превысили возможности их предвидеть. Классическое понимание

ответственности, в центре которого индивид, свободно действующий и принимающий решения, сегодня, в условиях длинной цепочки взаимодействий, множества решений, утрачивает свою силу, что делает затруднительным фиксацию единичного поступка, возможность произвести его оценку в рамках централизованных и специализированных практик.

Ограниченность индивидуальной ответственности в условиях коллективной деятельности, с одной стороны, и отсутствие механизмов морального вменения ответственности коллективам (группам), с другой, формируют противоречивую теоретическую ситуацию. «Феномен коллективной и личной ответственности, – отмечает С.Б. Токарева, – как важнейший атрибут социальной и индивидуальной жизни человека, их диалектика. Механизмы реализации поразительно образом оказываются в «слепом пятне» для социальной теории и практики» [17. С. 44].

Сложившиеся трудности отчасти могут быть объяснены смешением разных уровней морали. Мышление в рамках парадигмы индивидуальных поступков и намерений упускает тот факт, что моральные нормы обращены не только к отдельной личности, но и к обществу как коллективному субъекту, принимающему ответственность за благополучное существование членов коллективного образования. Указывая на данное обстоятельство, Р.Г. Апресян подчеркивает, что нормативные требования морали существуют не только для индивида, но и выражают общественный характер: «...Это система ценностей для различного рода групповых (корпоративных, политических) решений, что и создает основания для нормативной оценки проблем социально, политического порядка... Само моральное сознание не всегда отдает себе отчет в этой неоднородности моральных требований. Отсюда односторонние самоопределения моральных субъектов (индивидуальных или коллективных) и соответствующие им односторонние этико-философские рефлексии, представляющие мораль как универсальную и абсолютную или партикулярную и конкретную, как мораль индивидуального выбора и личной ответственности или мораль социального взаимодействия и социальной организации». [18. С. 8].

Решением обозначенных противоречий, связанных прежде всего с сохранением индивидуального измерения морали и возможностью принятия коллективной нравственной ответственности, может выступить вариант с заместительной ответственностью, которая, с одной стороны, является проявлением коллективной нравственности, с другой стороны, пространство ее действия – это пространство личностное, внутреннее, она обращена на каждого члена группы.

Заместительная ответственность (*vicarious* в переводе с англ. – «страдающий за других») имеет дело прежде всего с нравственными чувствами, такими как вина, стыд, раскаяния, возникающими у индивида в связи с действиями других. Считается, что основанием для подобного рода переживаний становится момент идентификации индивида с группой на почве национальных, конфессиональных, профессиональных или иные интересов. Группа, по словам А.В. Прокофьева, может рассматриваться весьма широко: «...как организация или построенное на личном общении объединение, так и неорганизованная совокупность не знающих друг друга людей, задействованных в функционировании одного и того же института, разделяющих определенные убеждения, наконец, принадлежность к определенной нации или культурной традиции» [2. С. 80].

Идея заместительной нравственной ответственности была актуализирована в дискуссиях, сложившихся после Потсдамской конференции, где был поставлен вопрос о моральной виновности немецкого народа за действия и режим гитлеровской Германии. Анализируя тезис о коллективной виновности немцев, К. Ясперс пишет: «Мы, немцы, все без исключения, действительно обязаны иметь ясность в вопросе нашей виновности и сделать из этого выводы... только через него (*в вопросе о виновности, прим. А.П*) может произойти поворот, который приведет к обновлению нашей сути» [19. С. 16].

Решение вопроса о коллективной моральной виновности потребовало от философа разграничить уголовную, политическую, моральную и метафизическую вину. К. Ясперс обозначает пространство коллективной виновности – политическое, считая, что если и можно говорить о коллективной ответственности немцев, то только как о политической, которая, с его точки зрения, тотальна, касается каждого и избежать которую не представляется возможным. Участие или неучастие в политической жизни страны в равной степени накладывает ответственность на всех индивидов, образующих народ [20].

Остальные типы виновности по К. Ясперсу ограничены личным пространством ответа, имеющим собственные системы координат, в центре которых – субъект свободного выбора, но одновременно «каждое понятие виновности, – пишет К. Ясперс, – обнаруживает реальности, имеющие последствия для сфер других понятий виновности» [19. С. 21]. Если уголовная вина устанавливается судом и вменяется конкретным лицам, то моральная вина реализуется как персональная ответственность каждого за свои собственные действия, будь то политические или военные, совершенные им самим лично, независимо от обстоятельств. Человек не освобождается от моральной виновности даже в случаях действия по приказу. Моральная виновность, с точки зрения К. Ясперса, формирует важные механизмы нравственного развития личности, связанные прежде всего с чувством стыда и раскаяния: «Из моральной виновности рождается осознание, а тем самым, раскаяние и обновление. Это внутренний прогресс, который имеет пот- том и реальные последствия в мире» [19. С. 23].

Наконец, метафизическая вина понимается им как ответственность каждого за то зло, что свершается в мире, где инстанцией ответа является Бог: «Есть такая солидарность между людьми как таковыми, которая делает каждого ответственным за всякое зло, за всякую несправедливость в мире, особенно за преступления, совершенные в его присутствии или с его ведома. Если я не делаю, что могу, чтобы предотвратить, я тоже виновен» [19. С. 19]. Метафизическая вина фундаментальна, это условие виновности в целом, которая может рассматриваться как основание для заместительной (коллективной) ответственности, объясняющее чувство переживание вины за Другого. Трансформирующий характер метафизической вины заключается в ее возможности изменить самосознание народа, увидеть те опасные черты нации, что коренятся в традиции: «Мы чувствуем себя причастными не только к тому, что делается сейчас, – подчеркивает К. Ясперс, – не только совиновными в действиях современников, но и причастны к традиции. Мы должны взять на себя вину отцов. Мы все виновны в том, что в духовных условиях немецкой жизни дана была возможность такого режима... это значит, что у нас как у народа есть в традиции что-то могущественное и грозное, таящее в себе нашу нравственную гибель» [19. С. 66–67]. Чувство метафизической вины – это путь преодоления духовного кризиса, который, однако, целиком и полностью свершается в личностном плане, но не коллективно. Фундаментальность метафизической вины заключается в том, что иные типы виновности не имеют какое-либо значения в отсутствие первой, поскольку именно метафизическая вина, так сказать, «заставляет» нас переживать виновность как свою, так и за Другого.

К. Ясперс не разводит понятия вины и ответственности, в отличие от Ханны Арендт, для которой было важным показать, с одной стороны, политическую (коллективную) ответственность народа, с другой стороны, моральную/правовую (личную) вину. Вина понимается ей как сугубо личностный акт, относящийся только к поступку, а не к намерениям и возможностям. Она считает, что излишнее культивирование вины несет разрушающий характер [21]. С ее точки зрения, манипуляции с понятием вины уменьшают, а то вовсе освобождают реальных злодеев от ответственности: «...В нашем случае чувство коллективной вины означало бы, что плач «мы все виновны» на самом деле является выражением солидарности с теми, кто творит зло» [22. С. 206].

Индивид испытывает чувство стыда за другого, поскольку есть момент сопричастности общности, что и делает его ответственным за других. Существование человека в обществе, его принадлежность к культурной традиции, нации, социальным группам придает коллективной ответственности всеохватывающий характер, что, собственно, и подчеркивается Х. Арендт: «Есть лишь один способ избежать политической и сугубо коллективной ответственности, – это покинуть сообщество. А поскольку ни один человек не может жить, не принадлежа к какой-либо общности, это может означать простую смену одного сообщества на другое и, следовательно, одной ответственности на другую» [22. С. 208]. Таким образом, политическая (коллективная) ответственность существует как некая данность в силу того, что мы живем не сами по себе, а среди других.

Х. Арендт в данном случае говорит не о нравственной коллективной ответственности – для нее она невозможна, исследователь остается в рамках индивидуалистической этики. Коллективная ответственность существует как политическая ответственность народа, из которой не следует вопроса о наказании, каких-то нравственных санкций, что и отличает политическую

(коллективную) ответственность от архаичных представлений о виновности, когда целое сообщество может считаться заслуживающим наказание за проступок кого-то из своих членов. Моральное и правовое измерение коллективной ответственности не имеет смысла, поскольку, как пишет автор, «если оказывается, что личность была вовлечена в какое-нибудь общее дело, как в случае организованных преступлений, судить все равно следует именно эту отдельную личность, степень ее участия, ее особую роль и т. д., а не группу» [22. С. 206].

Арендт разграничивает понятия политического и этического (морального), подчеркивая тем самым, что в морали важна самость, внутренний мир индивида, тогда как в политике все внимание направлено на мир. В этом смысле политическая (коллективная) ответственность – это необходимость поступка из уважения к миру, который я делю с другими. Политическая ответственность исходит из того суждения, которое только стремится к общезначимости, но не является необходимо истинным утверждением, в отличие, например, от императивной этики И. Канта, где моральное должествование носит императивный характер: если я считаю нечто морально должным, я требую этого от любого человека. В политике принять ответственность за проблемы мира может каждый, но при этом надо понимать, что есть те, кто не желает посвящать себя подобному. Однако тот, кто действует, руководствуясь политической ответственностью, действует от лица всего сообщества и надеется, что другие его поддержат.

Размышления Х. Арендт о коллективной ответственности очерчивают несколько иное пространство данной идеи. Попытка помыслить ее вне категории вины, индивидуального поступка (морали) открывает возможность дискурса коллективной ответственности, ее инвариантов. Но только ли традиция, чувство сопричастности к обществу, к той или иной культуре делает меня ответственным за других и можно ли в рамках политического (я делю мир с другими) обрести основания для таких переживаний, как стыд, вина, угрызения совести, чувство ответственности? В дальнейших исследованиях было отмечено, что заместительная ответственность имеет место только тогда, когда негативные последствия действий представителя группы, части группы являются выражением группового мировоззрения и основанием для возникновения заместительной моральной ответственности становится акт свободного выбора индивида, возникающий при вхождении в ту или иную группу. Идентификация индивида с группой и чувство сопричастности к группе рассматриваются как моменты, порождающие или предшествующие заместительной нравственной ответственности, обозначенные в литературе как «квалифицирующие действие».

Введенное Г. Меллемой понятие «квалифицирующего действия» рассматривается как акт свободного выбора индивида, создающий в последующем основания для переживания вины за действия другого [23]. Так, для возникновения заместительной ответственности достаточным будет вступление в группу с идеологией, опасной для общества, несмотря на то что индивид не будет намерен поддерживать какие-то акции со стороны этой группы. Сам момент вступления как акт свободного выбора делает его со-ответственным за действия других, и отсутствие причинно-следственных связей для наступления ответственности не становится препятствием для возникновения нравственных следствий. В рамках причинно-следственных связей коллективная ответственность становится незначительным и даже бессмысленным явлением, тогда как символическая ценность поступка, что и подчеркивается Г. Меллемой, не менее важна, чем реальное действие [24]. В данном случае неучастие индивида в действиях группы можно рассматривать как случайное состояние, разделение общих взглядов и поддержание опасной идеологии является условием возможного наступления агрессии и насилия. Следует, однако, сказать, что действие отдельного индивида, носящее аморальный характер и являющееся следствием особенностей его личности, не может быть основанием для возникновения заместительной нравственной ответственности, что и подчеркивается в литературе [2]. Заместительная ответственность возникает тогда, когда есть такие действия, которые в той или иной мере причинно связаны с особенностями группового мировоззрения [2]. Сложнее приходится в тех случаях, когда индивид не создает «квалифицирующего действия», не высказывает отчетливо свою позицию, как бы не совершает никакого свободного выбора, не стремится размежеваться с коллективом, но при этом продолжает пользоваться некими предпочтениями от существующей несправедливой власти. В данном случае речь идет о том, что он может не разделять мировоззренческие, идеологические установки группы, не стремиться сохранить существующее поло-

жение вещей, однако пользоваться тем, что данная группа ему предоставляет. Здесь квалифицирующее действие может быть понято как непринятие мер по изменению своего положения.

Иная ситуация, когда индивид чувствует себя частью нации, принимает как положительные, так и отрицательные моменты истории, и его желание быть причастным этой культуре, традиции заставляет его также принять и ответственность за негативные моменты, связанные с данным коллективом. Здесь квалифицирующее действие – это стремление индивида сохранить связь с культурой, традицией, идентифицировать себя как часть этого целого, принять все его достижения и ценности коллектива, но одновременно испытывать чувство вины, стыда и морального сожаления за темные страницы истории.

В целом для западной нормативной этики вопрос о коллективной ответственности решается в рамках индивидуалистического подхода, что и создает трудности в понимании и механизмах возникновения такой ответственности. Так, принадлежность индивида к группе с детства, чья идентичность сформирована этой группой, не позволяет ему совершить свободный акт, т. е. дистанцироваться, а следовательно, он лишен возможности свободно принять вину за других. Выявление условий возникновения заместительной ответственности через квалифицирующие действия не раскрывают нам оснований такой ответственности, поскольку сфера ее реализации – это не причинно-следственные механизмы, а символическая значимость поступка. Чувство ответственности, стыда, рыскания, вины за Другого не могут быть объяснены из принципа долженствования или правой нормы, переживание вины за Другого – это чувство метафизическое, а не моральное. Этика индивидуального поступка ограничена пространством собственных намерений и поступков, за которые человек и принимает на себя ответственность, на что в целом и ориентирована западная этика.

Подводя итог, можно сказать, что идея заместительной нравственной ответственности оказывается вполне приемлемой и способной решить некоторые противоречия, связанные с концепцией коллективной ответственности. Прежде всего заместительная ответственность не устраняет индивида как субъекта, скорее наоборот, усиливает его значение, расширяет сферу индивидуальной ответственности. Отныне индивид хотя и не находится в причинной связи между действием и результатом, однако его ценности и предпочтения являются выражением группового мировоззрения, а следовательно, как представитель этой группы, он принимает моральную ответственность за действия других. Групповая принадлежность человека расширяет сферу его ответственности, транслирует чувство ответственности в область коллективных действий. Нравственные переживания за действия других создают иное пространство: отныне не только мои собственные поступки являются основанием ответственности, но и действия других членов группы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Платонова А.В. На пути к коллективной ответственности: проблемы и перспективы // Вестник ТГПУ. – 2013. – № 5. – С. 129–134.
2. Прокофьев А.В. О возможностях реабилитации идеи коллективной ответственности // Вопросы философии. – 2004. – № 7. – С. 73–85.
3. Платонова А.В. Субъекты морального сознания в современном обществе: о типах коллективных субъектов // Вестник Томского гос.ун-та. – 2013. – № 373. – С. 75–79.
4. Прокофьев А.В. Воздать каждому должное. Введение в теорию справедливости. – М.: Альфа-М, 2013. – 511 с.
5. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. – М.: Айрис-Пресс, 2004. – 480 с.
6. Платонова А.В. Коллективная ответственность «человека-технического»: необходимость или путь к безответственности? // Вестник Томского гос. ун-та. – 2012. – № 357. – С. 59–62.
7. Goodpaster K.E., Mattheus J.B. Can a corporation have a conscience? – URL: http://socialethics.us/images/Can_A_Corporate_Have.pdf (дата обращения: 12.01.13).
8. French P. The corporation as a moral person // American Philosophical Quarterly. – 2009. – V. 16 (3). – P. 207–215.
9. Corlett A. Corporate Responsibility and Punishment // Responsibility and Punishment. Dordrecht:

- Springer, 2006. – P. 171–172.
10. Rescher N. Collective responsibility // *Journal of Social Philosophy*. – 1998. – V. 29, № 3. – P. 56.
 11. Goldman A. Why Citizens should vote: a causal responsibility approach // *Social philosophy and policy*. – 1999. – V. 16. – P. 201–217.
 12. Хесле В. Философия и экология. – М.: Наука, 1993. – 205 с.
 13. Sverdlik S. Collective responsibility // *Philosophical Studies*. – 1987. – V. 51 (1). – P. 61–76.
 14. Narveson, J. Collective Responsibility // *Journal of Ethics*. – 2002. – V. 6. – P. 179–198.
 15. Прокофьев А.В. Коллективная и совместная ответственность в экологической этике // *Этика и экология. Серия: научные доклады*. – 2010. – Вып. 9. – С. 26–44.
 16. Кашин Д. О. Генезис морали как сложноорганизованная система // *Актуальные вопросы философии, истории и политологии. Материалы между. заочн. научно-практич. конф.* – Новосибирск.: СибАК, 2013. – С. 45–49.
 17. Токарева С. Коллективная и личная ответственность // *Власть*. – 2012. – № 3. – С. 44–48.
 18. Апресян Р.Г. Понятие общественной морали (опыт концептуализации) // *Вопросы философии*. – 2006. – № 5. – С. 3–17.
 19. Jaspers K. The question of German Guilty. – Fordham university Press, 2001. – 117 p.
 20. Ясперс К. Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1999. – 146 с.
 21. Арендт Х. Организованная вина // *Скрытая традиция: эссе*. – М.: Текст, 2008. – С. 39–56.
 22. Арендт Х. Ответственность и суждение. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. – 352 с.
 23. Mellema G. On Being fully responsible // *American philosophical quarterly*. – 1984. – P. 189–194.
 24. Mellema G. Symbolic value, Virtue Ethics, and the Morality of Groups // *Philosophy today*. – 1999. – V. 43, № 3. – P. 3.

REFERENCES

1. Platonova A.V. Na puti k kollektivnoi otvetstvennosti: problemy i perspektivy [Toward the notion of collective responsibility: problems and perspectives]. *Tomsk State University Journal*, 2013, no. 5. pp. 129–134.
2. Prokofev A. V. O vozmozhnostyakh reeabilitatsii idei kollektivnoy otvetstvennosti [About rehabilitation of the idea of collective responsibility]. *The questions of philosophy*, 2004. no. 7. pp. 73–85.
3. Platonova A.V. Subekty moralnogo soznaniya i tipy kollektivnoi otvetstvennosti [The Moral Agents in modern society and the types of the Collective Responsibilities]. *Tomsk State University Journal*, 2013, no. 373. pp. 75–79.
4. Prokofev A. V. Vozdat kazhdomu. Vvedenie v teoriyu spravedlivosti. [Recompence due anyone. The introduction to the theory of fairness]. Moscow, 2013, 511 p.
5. Yonas G. Printsip otvetstvennosti. Opyt etili dlya tekhnologicheskoi tsivilizatsii [Jonas H. The Principe of responsibility. The experience for technological civilization]. Moscow, 2004, 400 p.
6. Platonova A.V. Kollektivnaya otvetstvennost «cheloveka-technicheskogo»: neobkhodimost ili put k bezotvetstvennosti? [Collective responsibility: necessity or the way to irresponsibility?] *Tomsk State University Journal*, 2012, no. 357. pp. 59–62.
7. Goodpaster K.E., Matteheus J.B. Can a corporation have a conscience? Available at http://socialethics.us/images/Can_A_Corporate_Have.pdf (accessed 12 January 2013).
8. French P. The corporation as a moral person // *American Philosophical Quarterly*, 2009, no. 16 (3), pp. 207–215.
9. Corlett A. Corporate Responsibility and Punishment // *Responsibility and Punishment*. Dordrecht: Springer, 2006, pp. 171–172.
10. Rescher N. Collective responsibility // *Journal of Social Philosophy*, 1998, vol. 29, no. 3, p. 56.
11. Goldman A. Why Citizens should vote: a causal responsibility approach // *Social philosophy and policy*, 1999 (16), pp. 201–217.
12. Khesle V. Filosofiya i ecologiaya [Philosophy and Ecology]. Moscow, 1993, 205 p.
13. Sverdlik S. Collective responsibility // *Philosophical Studies*, 1987, no. 51 (1), pp. 61–76.
14. Narveson, J. Collective Responsibility // *Journal of Ethics*, 2002, vol. 6, pp. 179–198.

15. Prokofev A. V. Kollektivnaya I sovместnaya otvetstvennost v ekologicheskoi etike [Collective and cooperative responsibility in ecological ethics]. Etika I ekologiya. Novgorod, 2010, pp. 26-44.
16. Kashin D.O. Genezis morali kak slozhnoorganizovannaya sistema [Genesis morally as complex structural system]. Aktualnyye voprosy filosofii, istorii I politologii. Novosibirsk, 2013, pp. 45–49.
17. Tokareva S. Kollektivnaya I lichnaya otvetstvennost [Collective and personal responsibility] Vlast, 2012, no. 3, pp. 44–48.
18. Apresyan R.G. Ponyatie obshchestvennoi morali (opyt kontseptualizatsii) [The notion of social morality (the experience of conceptualization)]. The questions of philosophy, 2006, no. 5, pp. 3–17.
19. Jaspers K. The question of German Guilty. Fordham University Press, 2001, 117 p.
20. Yaspers K. Vopos o vinovnosti. O politicheskoi otvetstvennosty Germanii [The question of German Guilty]. Moscow, 1999, 146 p.
21. Arendt Kh. Organizovannaya vina [Organized blame]. Skrytaya traditsiya. Moscow, 2008, pp. 39–56.
22. Arendt Kh. Otvetstvennost I suzhdenie [Responsibility and Judgment]. Moscow, 2013, 352 p.
23. Mellema G. On Being fully responsible // American philosophical quarterly, 1984, pp. 189–194.
24. Mellema G. Symbolic value, Virtue Ethics, and the Morality of Groups // Philosophy today. 1999, vol. 43, no. 3, p.3.

Поступила 13.03.2015 г.